

Мордовцев Даниил Лукич

Сагайдачный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д18

Д18 **Даниил Лукич М.**
Сагайдачный / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 297 с.

ISBN 978-5-519-97390-8

ISBN 978-5-519-97390-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Это было очень давно.

Въ тотъ годъ, съ котораго начинается пестрая историческая ткань нашего повѣствованія, русскіе люди, теперь столь увѣренные въ будущемъ своей неисходимой земли, не знали еще, окрѣпнеть-ли на этой распатанной смутами землѣ «благоцвѣтущая отрасль благороднаго кореня» и осѣнить ее миромъ и благоденствіемъ, или-же опять придутъ польскіе и литовскіе люди и настанетъ на Руси иноземное владычество. Не вѣдали и польскіе и литовскіе люди—«славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ, оно-ль изсякнетъ» и «злота вольность польщизны» затопить собою болота «москескѣго барбаризма» и «украинскѣго хлопства». Всего-же менѣе могло догадываться украинское «хлопство», какая роковая роль выпадетъ на его долю въ будущей исторіи двухъ са-

мыхъ крупныхъ представителей независимаго тогда славянства—Москвы и Польши.

Было это весною 1614 года.

Внизъ по Днѣпру, не доходя порожиистой части его, тихою, ровною греблею плыли казацкія «чайки» или «човны», на которыхъ, словно пышный макъ либо васильки и «чорнобривци» въ огородѣ, пестрѣли подъ лучами утренняго солнца красные верхи казацкихъ шапокъ, желтыя, какъ спѣлыя дыни, штаны на цвѣтныхъ «очкурахъ» и съ цвѣтными поясами, яркія ленты въ воротахъ рубахъ и голубые да зеленые «вылѣты» на кунтушахъ. «Часекъ» было около десяти, и на невысокой мачтѣ каждой изъ нихъ длинныя, яркія, всѣхъ цвѣтовъ ленты полоскались, рѣяли и трепались въ воздухѣ, словно-бы надъ казацкими чайками развѣвались дѣвичьи косы—косы невидимыхъ украинокъ, провожавшихъ казаковъ въ далекую дорогу.

Передняя чайка была изукрашена болѣе другихъ. На носу у нея водружено было на красномъ древкѣ голубое знамя съ изображеніемъ на немъ скачущаго на конѣ казака и съ крупною, нашитую мишурою подписью:

Куды схоче, туды й скаче,
Нихто за нимъ не заплаче.

Съ заднихъ часекъ иногда доносилось скорѣе грустное, чѣмъ веселое пѣніе, словъ котораго вполнѣ не слышно было, а можно было уловить только отдѣльные слова: то «плыве човень воды повень», то «дивчина плаче», то «кличе мати вечеряти», «казакъ молоденькій», «далека дорога», «турецька неволя». Словъ отъ пѣсенъ потому нельзя было разобрать, что тамъ гдѣ-то ниже, недалеко, что-то ревѣло и стонало, точно наступающая съ грозой и градомъ туча, хотя небо было ясное, тихое, безоблачное.

— Что бы оно гудѣло такъ?—ни вѣтръ, ни градъ; ни аеръ, кажись, не оболочень, а гудить: съ удивленіемъ

говорилъ, прислушиваясь и поглядывая кругомъ, невысокій бородатый человѣчекъ въ высокой горластой шапкѣ и въ цвѣтномъ охабнѣ московскаго покроя, сидѣвшій на передней чайкѣ, на покрытомъ ковромъ тюкѣ.

— Да то пороги ревуть, пане дяче, отвѣчалъ, лѣниво покуривая «люльку», сѣдоусый казакъ, сидѣвшій тутъ-же по-турецки, на разостланной циновкѣ.

— Пороги? нѣли они недалече?

— Да недалечко... А, аспидская люлька—опять потухла!..

«Панъ дьякъ», какъ называли казаки бородатаго человѣчка въ шапкѣ горластой и въ цвѣтномъ охабнѣ, всталъ и, отгнѣнивъ глаза ладонью, тревожно глядѣлъ впередъ, между тѣмъ какъ сивоусый казакъ, доставъ изъ кармана синихъ широкихъ штановъ «кресало», кремень и трутъ, преспокойно вырубилъ огонь, ворча на неповинную трубку:—«ѳтъ, продова люлька,—усе гасне»...

Гулъ впереди становился яснѣе и яснѣе. Слышно было, какъ какія-то двѣ силы сшибались одна съ другою, и удары все учащались, а глухой гулъ такъ и стоялъ въ воздухѣ.

Стоявшій у руля передовой чайки старый казакъ съ растегнутымъ воротомъ и черною, загорѣлою, покрытою какъ у звѣря шерстью грудью, налегъ на правильное весло и повернулъ лодку на самый стержень рѣки.

— А нуте, хлопцы, разомъ—ударъ! крикнулъ онъ.

Гребцы, которыхъ было человѣкъ двѣнадцать на чайку, дружно ударили веслами, перегнулись назадъ, словно какъ ушибленные въ лобъ, снова нагнулись, глубоко захватили зеленую воду, опять откинулись назадъ, опять ударили... Чайка летѣла точно въ самомъ дѣлѣ крылатая птица...

— А нуте, соколята, еще разъ! еще разъ! грѣмнулъ рулевой «отамѣтъ».

«Панъ дьякъ» испуганно глядѣлъ то на гребцовъ, то на рулевого, то впередъ, на эту страшную воду. А впереди она дѣйствительно становилась страшною. Что-то, казалось, ныряло въ ней, выскакивало на поверхность—бѣляки какіе-то, точно испуганные зайчики, либо клочья бѣлой кудели, и снова прятались въ воду, и снова выскакивали... Гулъ, перебой воды и грохотъ становились все явственнѣе...

— Довольно, хлопцы! добре! сушія весла! гремѣлъ голосъ рулевого.

Гребцы подняли весла, звякнули ключицами—и разомъ поднялись.

— До правіла, дѣтки, до стерна! гукалъ рулевой.

Гребцы бросились къ рулю, налегли на него, осилили напоръ воды и направили чайку въ самыя «ворота»—въ kloboчущую между «заборами» пучину... Бѣлый, зло ревущій водяной гребень перегораживалъ Днѣпръ отъ одного каменистаго берега до другого. Зеленая вода, стремясь черезъ порогъ, превращалась въ бѣлую массу—въ страшную гриву какого-то невидимаго подводнаго чудовища.. А тамъ дальше kloкотала и бѣшено прыгала пѣна съ брызгами. Бѣшеному потоку, казалось, не хватало мѣста, и онъ клубами прыгалъ въ воздухъ, снова обрывался и падалъ, опять скакалъ вверхъ, выпираемый новыми буронами, и опять падалъ и разбивался...

Чайка стрѣлою летѣла на бѣлую гриву этого чудовища. Вотъ она на самомъ гребнѣ—дрогнула, качнулась, закрипѣла въ пазахъ—опять дрогнула, полетѣла внизъ съ водяной горы, ткнулась носомъ, вынырнула... И скачущаго на знамени казака, и «пана дьяка», который стоялъ на колѣняхъ, уцѣпившись за уключину, и посниѣвшими губами бормоталъ молитву, и сивоусаго съ «любовой» казака обдало водяною пылью и брызгами...

— Молись, дѣтки! гукнуть рулевой «отаманъ».

Всѣ перекрестились.

— Смотрите, хлопцы, вонъ москаль ракомъ стоитъ! раздался чей-то веселый голосъ.

Всѣ глянули впередъ. На передѣ чайки, гдѣ молился «панъ дьякъ», товарищъ его, тоже московскій человѣкъ, перепуганный всѣмъ видѣннымъ сейчасъ, стоялъ на-четверенькахъ, держась руками за днище, за кокорникъ, и безпомощно оглядываясь по сторонамъ, не зная въ комъ искать спасенья...

— А, аспидская люлька! Опять погасла! ворчалъ сивоусый казакъ, тыча пальцемъ въ трубку, залитую водой.

Скоро однако чайка пошла ровно—опасный порогъ былъ пройденъ благополучно. Казаки усѣлись кто гдѣ и какъ хотѣлъ, перекидывались шутками, смѣялись надъ струсившими москалями, смотрѣли, какъ другія, заднія чайки перепускались черезъ порогъ.

— А какъ сей порогъ именуется? обратился, немного успокоившись, «панъ дьякъ» къ сивоусому казаку, вырубавшему огонь для своей непокорной трубки.

— Да это Кодакъ, пане дяче, пробурчалъ тотъ, углубившись въ свою «люльку».

— А еще много ихъ будетъ?

— А! сто копанокъ! Вотъ чортова...

— Нѣмнѣ сто? Быть не можетъ!

— Да не сто-жь! вотъ, дяче, выдумалъ!

— Да ты-жь самъ сказалъ—сто...

— Тю! то у меня такое слово—сто копанокъ чертей.

Всѣ чайки, однако, перепустились черезъ Кодакъ благополучно и быстро понеслись силою теченія къ другимъ, менѣе опаснымъ порогамъ и «заборамъ».

«Панъ дьякъ», нѣсколько успокоившись, снова усѣл-

ся на коврѣ рядомъ съ другимъ московскимъ человѣкомъ, съ тѣмъ, надъ которымъ сейчасъ только смѣялись казаки, будто-бы онъ съ испуга стоялъ на карачкахъ, а сѣдоусый казакъ, запаливъ наконецъ свою непослушную «люльку», тутъ-же примостился на корточкахъ и повелъ свою бесѣду съ московскими людьми

— Такъ вы, говорите, новаго царя себѣ выбрали?

— Новово, точно.

— А кого-жъ вы выбрали?

— Божіею милостію Михаила Ѳеодоровича Романова, благоцвѣтущую лѣторосль благороднаго корене.

— А какъ-же вы съ царевичемъ?

— Какимъ царевичемъ?

— А Ивашкою, Димитріевымъ сыномъ?

— А! вотъ нагадалъ!—выпорткомъ-ту Розстриги?

— Эге! какой онъ Розстрига!

— Да Розстрига-жъ—подлинно.

— Ну хоть и Розстрига—а всежь былъ царемъ... А у него теперь сынъ, вѣдь...

— Сынъ!—этотъ сынъ Розстригой и не пахнетъ: всѣмъ вѣдомо, что Гришку вора убили весной въ прошлымъ во 114-мъ году, а оной Ивашка выпорткомъ рожонъ Маришкою ворухою во 117-мъ году... Али она воровское сѣмя-то три года въ черевѣ носила?—а?

Казакъ только свистнулъ: «фью!.. ну это точно долго—три года».

— То-то и есть!— Да и песь ее, воруху, знаетъ, отъ каково вора она поносъ понесла и оценилась—отъ тушинскаго-ли вора, отъ другово-ли царика-вора, отъ Ивашки-ли Заруцкова, а можетъ и отъ пана польскова—поди разбирай ее...

— Те-те-те-те!—А сказываютъ—подончики за него стали?

— Пустое! Онъ ноне съ Маришкой въ Астрахани, слышно, — и ево, чу, скоро изымають.

Сказавъ это, московскій человѣкъ невольно остановился и испуганно глянулъ кругомъ. Онъ замѣтилъ опять необыкновенное движеніе между гребцами и услышалъ зловѣщій шумъ воды. По поверхности Днѣпра опять заскакали бѣленькіе зайчики, а ниже пѣнилась и бурлила бѣшеная рѣка. Большая длинношеяя птица съ длинными ногами, вродѣ цапли или журавля, перелетая черезъ Днѣпръ и надлетѣвъ на бушующій гребень, испуганно шарахнулась въ сторону, безпорядочно забивъ въ воздухъ своими несуразными крыльями. Впереди безстрашные стрижи такъ и чертили крылышками да ножками поверхность бѣшеной рѣки.

— До стерна, соколята! раздался вновь зычный голосъ рулевого.

Московскій человѣкъ опять уцѣпился за уключину. Его товарищъ въ голубомъ охабнѣ съ красными кистями припалъ къ сидѣнью. Чайка дрогнула, колыхнулась, ткнулась носомъ... Днѣпръ, казалось, звенѣлъ...

— Сурскій — это два порога, проговорилъ бѣлоусый казакъ какъ-бы въ утѣшеніе московскимъ людямъ: — а скоро Лоханскій и Звонецъ.

Дѣйствительно, скоро миновали пороги Коханскій и Звонецкій все съ такими-же предосторожностями. Но впереди еще оставалось много ихъ, и въ особенности самый страшный — Ненасытець.

Днѣпръ, при всѣхъ его ужасахъ, былъ необыкновенно красивъ. Этого не могли не замѣтить московскіе люди, которыхъ царская служба бросила въ качествѣ пословъ въ эту чудную черкасскую сторонку. Ничего подобнаго этой рѣкѣ они не видали въ предѣлахъ московскаго государства, хотъ и помѣкались по ней изъ конца въ конецъ.

Какія у нихъ рѣки, особенно подъ Москвою!—плевые, непутячія. Еще куда ни шла Ока-рѣка, а все не чета Днѣпру. Видали они и Волховъ-рѣку въ Новгородѣ, и рѣку Великую во Псковѣ: только и славы, что великая прозывается, а ничего въ ней нѣтъ великаго. Волга—это точно что великая рѣка: велика и широка, что море; не даромъ объ ней въ пѣсняхъ поютъ, моремъ хвалынскимъ называютъ; богатырская рѣка, что и говорить—великанъ! Видали они и Енисей, и Обь—большущія рѣки, красивыя, только студеныя, непривѣтныя... А все Днѣпръ лучше—зѣло хорошъ! Зато и страшентъ...

Впереди все грознѣе и грознѣе что-то реветъ... И Тягинскій порогъ пробѣжали, а впереди все реветъ...

— А это что реветъ тамъ, панъ атаманъ?

— То Дѣдъ реветъ.

— Какой-чу дѣдъ?

— Дѣдъ Ненасытець... У! здоровая глотка...

— Али хуже всѣхъ?

— Да самый поганый... Такой татарюга!

Впереди показались зубчатые скалы, что грядой тянулись отъ одного берега Днѣпра до другого. Вода, тѣсняемая каменными великанами, рвалась и кипѣла, чтобъ снова еще съ болѣею быстротою ринуться съ высоты въ пропасть. Ревъ былъ такъ силенъ, что голоса рулевыхъ и гребцовъ были не слышны. Надъ самымъ порогомъ стоялъ водяной паръ, и въ немъ искрилась и переливалась радуга...

По самому ходу чайки чувствовалось, что ее влечетъ необыкновенно стремительнымъ теченіемъ. Она даже не вздрагивала—не успѣвала. Всѣ рабочія ея силы—рулевой «отаманъ», гребцы и остальные казаки—какъ клешни впились въ длинное, съ широкою лопастью правільное весло. Голосу «отамана» не слышно было, а видѣнь былъ

только его поминутно раскрывавшіеся подъ рыжими усами ротъ и глаза, уставившіеся куда-то впередъ, на одну точку... Точка эта—роковой проходъ, страшная пасть между каменными зубами: надо было направить чайку въ эту пасть, въ самую ея середину, чтобы не черкнуться объ острые боковые камни...

Сивоусый козакъ, взглянувъ на московскихъ людей, показалъ на небо, какъ-бы говоря: «ну, москали, молитесь—одна надежда на небо»...

Москали поняли его нѣмую рѣчь и упали на колѣни... Тихая, смиренная, хотя и грязная Москва-рѣка въ этотъ моментъ показалась имъ такою дорогою, что они готовы были проклинать тотъ несчастный день и часъ, въ который покинули берега своего родного, священнаго Иордана... Для того-ли они крестились въ святой водѣ Москвы-рѣки, чтобъ погибнуть въ этой проклятой черкасской рѣкѣ?... А тамъ у нихъ жены, дѣти, сродники... Не видать имъ больше родной стороны...

Чайка дрогнула—оборвалась куда-то... Они попадали и закрыли глаза... Ихъ обдало водой... «Охъ! Господи! прими духъ мой съ миромъ»...

Все пропало—всему конецъ—они потонули...

— Вставайте, панове москали! молитесь Богу! проѣхали Ненасытець! раздался вдругъ надъ ними знакомый голосъ.

Они съ ужасомъ открыли глаза: сивоусый козакъ сидѣлъ на залитомъ водою сидѣньѣ и вырубалъ изъ огнива огонь... Страшная водяная гора бѣлѣлась и пѣвилась и ревѣла далеко назадъ... Только на этомъ водяномъ гребнѣ чернѣлись и ныряли другія чайки, перепускавшіяся черезъ страшный порогъ... Тутъ-же разомъ они замѣтили, что на правомъ берегу рѣки, у самой воды и на кручѣ, лѣни-

лось нѣсколько шалашей и хатокъ, а у воды виднѣлись люди, махавшіе шапками. У самаго берега привязано было нѣсколько маленькихъ лодокъ «душегубокъ», и нѣкоторыя изъ нихъ, съ двумя или тремя виднѣвшимися въ нихъ человѣческими фигурами, качались на водѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега.

Вдругъ на заднихъ чайкахъ послышались крики. Сначала нельзя было разобрать, что кричали. Но скоро крики достигли и передней чайки.

— Заднюю чайку перевернуло!

— Байдакъ потопаеъ! Спасайте, братцы!

— Спасайте, кто въ Бога вѣруетъ!

Дѣйствительно, ниже порога, среди пѣнистыхъ валовъ и буруновъ, ныряя въ водѣ и выныряя, чернѣлось потопавшее судно... Изъ воды то тамъ, то сямъ показывались козацкія головы—это утопающіе мужественно боролись со смертью... Опрокинувшуюся чайку вертѣло и несло какъ щепку...

Въ тотъ-же моментъ отъ берега отдѣлились всѣ маленькія лодочки и стрѣлою понеслись на переѣмъ утопавшимъ. Иные изъ утопавшихъ, болѣе сильные и умѣлые,плыли имъ навстрѣчу. Остальныя чайки также повернули противъ теченія и ударили веслами по вспѣнной поверхности рѣки—всѣ спѣшили спасти погибающихъ товарищей... Весь Днѣпръ, казалось, покрылся чайками и маленькими, необыкновенно юркими лодочками «душегубками» или «дубами». Утопающіе отчаянно боролись съ быстрою, увлекавшею ихъ водою. Имъ бросали съ чаеъ веревки, протягивали весла—тѣ хватались за эту помощь и храбро держались на водѣ. Другихъ теченіемъ наносило на чайки и душегубки, и они цѣплялись за края, за весла. Иныхъ, обезсиленныхъ въ борьбѣ со свирѣпою стихіею и уже съ трудомъ державшихся на водѣ, товарищи, наги-